

Сегодня, когда мы можем наблюдать расширение границ различных литературных направлений, их уход от традиционных жанров и стилей, важно сохранить эстетическое соотношение правды жизни и правды искусства. Вот что пишет Наталья Егорова о современной поэзии, пытаясь разрешить проблемы русского слова: «Мы утратили нечто первостепенно важное и фундаментальное, – тот строй души, породивший особый строй русского стиха, который, подчас независимо от воли поэта и вразрез со сказанным, самим своим глубинным, неразрушимым христианским духом – любовью, гармонией, чистотой, архитектурной, звуком – свидетельствовал о том, что человек создан по образу Божьему». Дабы дать читателю почувствовать динамику забытой письменности, аромат древнерусского источника, обратимся к её стихам «Берестяная грамота», в которых она развивает идею Божественности Слова. Основа сущего – древнерусский язык славян, когда всё соединено в Боге, весь наш мир, представляющий вселенскую матрицу человечества с его бесконечным количеством судеб, записанных на всевозможных наречиях и языках:

Вскинешь голову – полночь, прохлада. / Звук неясный... Невнятная мысль...
И слепит белизною и ладом / Рябь стволов, уходящая ввысь.
Словно букву, под веяньем мига / Метку чёрную тронет рука,
И раскроется древняя книга / В мерном шелесте березняка.
Это наши разлуки и встречи, / Весь наш мир до глубинных основ
Записала усталая вечность / На глаголице дальних миров.

Древнее Слово, полузабытое ныне, инобытие – самое трогательное прикосновение к душе человека, равноценное прикосновению Бога. И самые сильные, самые лучшие слова надо искать в истоках старославянского языка. Утерянная связь вещи и слова, не столь ощутимая сейчас, была неразрывна и очевидна на Руси. О чём это говорит? О том, что человек был ближе к Богу, к природе, к вечности, у этого человека не было лишних вещей и предметов, а было только существенное. Где и когда мы утратили эту «ариаднину нить»? – волнует и не покидает поэта мысль, от которой так много зависит в судьбе и в творчестве художника слова. Екатерина Козырева выделяет редкое качество литературного дара Натальи Егоровой – «писать стихи, как древнюю грамоту». Она и пишет их, словно разворачивает ветхозаветный свиток, вмещающий длинную историю земли, где открывается один исторический пласт за другим.

И за жизнь, что дарована даром / Вместе с белой берестою дней,
Как за короб, набитый товаром, / Каждый просит цены – покрупней.
Но ведь мы-то бессмертны, как Боги, / В блеске звёзд, на дорогах страны.
И не зря этих рощиц чертоги / Шепчут в полночь, что мы спасены.
И не вся наша правда – о хлебе, / Если лёгкий, как Божий сквозняк,
Разметавшись в темнеющем небе, / Спит и грезит во сне березняк.

«Истина – есть духовное завоевание», – считал Н. Бердяев. Истинный момент мировоззренческих поисков Н. Егоровой, её духовное завоевание – первозданное русское Слово. В письме к Батюшкову Куприн говорил: «Но есть одна – только одна область, в которой простителен сам узкий национализм. Это – область родного языка и литературы». Он считал, что язык «требует самого нежного, самого бережного и любовного отношения», а «русскую народную культуру и мудрость» определял как «крестьянскую культуру и крестьянскую мудрость» («Слово о русском Слове», очерк А. Байбородина). Н. Егорова аналогично уверена в том, что сохранение нашей речи и нашего языка во многом означает и сохранение нас самих. Её стихи «Берёзовый венок», какие действительно можно назвать исконно русскими, поскольку катастрофически иссякает духовный родник, питающий подобную поэзию, напоминают нам о сакральных тайнах творчества, когда изначально поэт был человеком песенного и письменного текста. «Вскрывается Божьего слова родник», и Боян, и Ходына – два русских песнотворца – поют о любви. Н. Егорова, а это невозможно сделать искусственно или, скажем, умысленно, концентрирует в себе уникальный талант: выразить в поэтическом слове целый спектр чувств, эмоций, смыслов, которые как Божественное благословение нисходят к ней свыше. Этот «берёзовый звук» «берёзовой музыки», характерный только для русской поэзии, чего не отыскать ни в одной зарубежной литературе, – непреходящая мелодия всей России и мелодия её мощной лиры, становящейся с течением времени лишь многомерней, философичней. Она гениально высвечивает значимость творческого и человеческого наследия выдающихся русских художников слова:

Я в берёзовой роще закрою глаза – / Меж стволами плывут голоса, голоса...
Русский терем души, белой Троицы храм – / Только листья и слёзы кипят по стволам!
Это Пушкин поёт о сиянии глаз. / Это Лермонтов демона зрит сквозь Кавказ.
Это плачет Есенин о рощах земли. / Это к Блоку, как музы, летят журавли.
Это Тряпкин из гнёзд выкликает скворцов. / Это спит в соловьином яйце Кузнецов.

В чём же вообще предназначение творчества? Проклятие невыраженности Н. Егорова рассматривает применительно к себе в стихах, написанных в форме доверительного разговора с самим Творцом: «Попросила я Бога: “Даруй мне, Святой, / Дар поэзии – счастье без муки! / Стоит мира подлунного сон золотой! / Стоят верности вещи звуки!”» Но бывает ли творчество без муки?! Занятие делом поэзии – ближе всего к понятию миссии, когда ипостась поэзии – само глубинное предназначение, как собственная возможность – справляться с жизнью. «Белый дом запылал посреди тишины. / И узнавши, что люди – не братья, / Я пошла по руинам великой страны, / Имя Бога твердя, как заклятье», – человеческое измерение, что соединяется с измерением Спасителя, как видим, при всей гиперболизации, художественном обобщении образов исключает что-либо абстрактное, чисто афористичное. Особая сосредоточенность авторской мысли направлена на усиление главного акцента, высвечивающего кардинальную цель – человек и Бог. Человечество же как таковое не имеет цели, когда одним человеком, говоря всерьёз, и стоит заниматься. Н. Егорова совершает выход в область собственной свободы духа, поражая своей крутой откровенностью. Для поэтов, подобных

Н. Егоровой, это неизменно, непреложно. Исповедальность её не замыкается лишь на себе, на своей личности, она полна боли за страну, за разорение отчих мест, за покинутые хаты и деревни, преданные забвению. Автор исповедует перед Богом и за нас, тогда творчество и становится служением. Сегодня многие художники ставят человека не перед Богом, а перед собой, сосредотачиваясь на голом самовыражении, лишённом подлинной правды. «Великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений “исповедального характера”. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла, для того ли, чтоб родиться для новых созданий, или для того, чтоб умереть, – только оно может стать великим», – на все времена сказал Блок. «Меняются тревожные картины / Столиц, морей, роящихся светил. / Земную жизнь пройдя до половины, / Стою в лесу, как Данте говорил», – личное признание в текстах Н. Егоровой переходит постепенно в извечную философскую исповедь человека и художника, ответственного за свои земные деяния. Отсюда понятна и жизнестойкость такой строки: «Ищу и в безысходности исхода», как понятна и её гражданская «смелость жить разоренью назло...»

Следует обозначить и особенности художественного стиля, что присущи поэзии Натальи Егоровой, обратить пристальное внимание на процесс построения её стиха, совмещающий, казалось бы, несовместимое и вызывающий интерес своей достаточно объёмной композицией. Белинский всегда призывал художников создавать исключительно лаконичное и короткое лирическое произведение. Но у Н. Егоровой не всё однозначно, когда лирическое тесно сплетается с эпическо-драматическим. К тому же не бывает правила без исключений. Нет, я не пытаюсь доказать особую исключительность автора. Некоторые критики уже обращали внимание на длинноты её стиха, где-то чрезмерные для поэтического текста. Возможно и так, но лишь отчасти. Лично я нахожу всё возможное и невозможное в произведениях Н. Егоровой, мне они напоминают поэтические поэмы, либо особую поэтическую прозу, когда неисчерпаема глубинная философия каждой строфы, ты не можешь напиться, не можешь утолить жажду, генетически накопившуюся в тебе, разливающуюся в твоей крови, бегущую по твоим жилам и нервам. Всегда ли одна краткость – основное качество таланта? Тот же Белинский отмечал следующее: «Творческая деятельность поэта представляет собою <...> особый, цельный, замкнутый в самом себе мир, который держится на своих законах, имеющих свои причины и свои основы, требующие, чтоб их прежде всего приняли за то, что они суть на самом деле, а потом уже судили о них». Вот и многие стихотворения Н. Егоровой словно предчувствуют предстихотворный вариант, некий глубинный код, некую бесконечную словесную фактуру стиха. Вопреки канонам, она и творит свою поэзию, которую нужно понять и принять внутренне, в широком философском контексте, при этом осознать как непреложную данность, никем другим неповторимую, прочесть как собственную жизнь. А ещё услышать нарастающую, как гул, насыщенную метафоричность её поэтической речи. Н. Егорова изумительно использует такие тропы, как метафоры, которые тоже нужно чувствовать, ведь за ними очень часто стоит жёсткая конкретика.

Я жила, как кувшинка озёр и болот: / Донный стебель толкнув в никуда,
Выплывала над глубями тёмных свобод, / Чтоб цветок не накрыла вода.
На губах отцветал неслышанный стих – / Звук крушения, вкус лебеды.
Но держала я голову выше других, / Золотую – над топью беды.
Мир тянулся сорвать, не по-детски жесток, / Заплести меня в чей-то венок.
Но пружинистый стебель звенел про исток, / Вглубь толкал непокорный цветок.
И посмела я сердцем живым уцелеть / В тёмной тине и омутах вод.
И посмела я песню по-своему спеть / О застойном дыханье болот.
О теченьях и илах на сумрачном дне, / О зелёной речушек крови,
О таинственной древней озёр глубине, / Что меня родила для любви.

(«С легких вёсел срываются брызги вразлёт»)

Здесь буквально всё построено на метафоре, красочной, эмоциональной и по-философски глубокой. У автора нет безысходности, новое и вечное начало побеждает. «Я знаю в поэзии толк!» – воскликнет она в других стихах, увлекающих своей сказочной фантастичностью. Или, к примеру, стихи «Гонец неземного эфира...», где получается особый и загадочный оттенок поэтического слова, который и придаёт жизни магнетическое напряжение, заставляющее автора «писать в неизвестную вечность, / Любить неизведанный Свет!». В русле этой метафорической образности не следует ставить во главу угла и сам критерий соответствия реальности в поэзии. Он в творчестве Н. Егоровой весьма условен.

Метафорическое восприятие мира, напряжённая образность, космическая интуиция дистанцируют художника от его текста. «Поэт начинается там, где кончается человек», – утверждал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, подразумевая то, что поэту открыто гораздо больше, чем обычному человеку, он способен творить то, чего нет, несуществующее. По мнению великого мыслителя и писателя Льва Толстого, именно только «реальное изображение жизненных безобразий есть самая большая ложь в искусстве, ибо не из них состоит жизнь». Нечто недостижимое, невидимое в реальности бытия пытается найти и Н. Егорова, пытается постигнуть тайну слова. Слова и реальности исследовал Н. Бердяев в книге «Судьба России». Он писал: «Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живём в их царстве. Слова действуют как самостоятельные силы, независимые от их содержания». Магическая власть слова, творящего чудеса, живёт и в поэзии Н. Егоровой, в нём одном заключается и великое счастье, и неизживаемая боль поэта.

Достаточно тонко и не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд, раскрывается в творчестве Н. Егоровой и философия любви. Впрочем, сколько людей – столько историй любви. Исконная женская судьба выпадает у автора из обычного празднично-бытового ряда: любовь приобретает как всеобъемлющее, равносильное космическим стихиям, так и личное, глубоко исповедальное звучание. «За каплю веры – свет в ночном окне – / Грозится век десницею своей. / Я всё отдам, но дело не в цене. / Служу Любви, как лучшей из идей», – это великое чувство она обязательно укрепляет верой. «Бог есть любовь», – лаконично сказано в Священном Писании (1 Иоанна 4:8), но не секрет, что постижение данной истины требует порой целой жизни. Любовь и даётся нам как великий дар, как предназначение нести свет:

Диктуют звёзды, поджидает рок, / Грозится смерть, смакуя слово «прах»,
Но солнцем жжёт огонь в разрывах строк / И вспыхивает вьюгами в мирах.
А в подворотне старенький фонарь / Скрипит всю ночь – киваю фонарю.
В морозный шарф закутавшись, январь / Звенит коньками... Я опять люблю...
И учит непрожитая зима / Вставать со льда, собрав осколки сил.
Но что мне целый мир, коль я сама – / Вселенная в снегу ночных светил!

Нет, прямых параллелей не провожу, но отдельные произведения Натальи Егоровой напоминают и крупного русского поэта XX века Инну Лиснянскую, которая писала пронзительные стихи, полные сострадания к человеку, обожествляла любовь и жизнь, видела определённую свободу в самой смерти, открывающую новые возможности иной жизни, не обременённой телом. Душа же человеческому телу инородна: «Так сложилось моё бытие, / Что душа в моём теле первична / И вторичны покровы её», – мудро выделяла она суть главных вещей, перенося душу и любовь в вечность. Категории вечного в любви главенствуют и в поэзии Н. Егоровой: «Золотой весной воскреснуть / И полюбить в бессмертии своём!» – такая любовь ждёт лишь избранных. Её лирическая героиня дерзко и смело бросает вызов обществу, оправдывая страсть любви. Ведь страсть – слово многозначительное. Страсть – это и страдание.

Дай мне пройти цветущими садами / По улочкам, не знавшим перемен,
С накрашенными дерзкими губами, / С бессмертным алым розаном Кармен.
Пусть льётся свет. Звенят восторги встречных. / Гудят такси. Поют волос ручьи.
И бьют часы в проулках – только вечность / Для всех влюблённых в городе любви.
Не говори, что время к нам жестоко – / Грядёт пора стареть и умирать.
Вольней и выше времени и рока / Влюблённых женщин огненная стать.

Ярчайшая метафоричность, когда весь мир словно вращается на мандельштамовской метафоре и «земля гудит метафорой...», будто встречаются равновеликие стихии. Только так и можно утвердить свою извечную женскую сущность, своё высшее право быть женщиной, обречённой на любовь. А иначе вселенная не имеет смысла, лишь ради любви в ней стоит жить и умирать! Невозможно запрограммировать жизнь, «любовь случайна...», она, словно «невызнанная тайна», не бывает без страсти: «Надену сарафанчик продувной. / Качну качели в неподвижных звёздах. / Смешает ветер волосы с листвой, / И месяц раскачается в берёзах. / Всплывут со дна кувшинок огоньки / Огнём любви и ревности забытой. / Спою, взлетев над омутом реки, / О вечной страсти дерзко и открыто». К тому же все произведения о любви проникнуты лиризмом, что-то есенинское сквозит в таких стихах поэта, как «Вечный май, горячий бред любовный...» – вещь «дерзкая» и редкая для сегодняшней русской лирики.

Дабы настроиться на восприятие стиха Н. Егоровой, обратимся к образности, к сравнениям, к символу. Мистическое произведение, своеобразная переключка с веком Серебряным:

За годами и снегом не видно во мгле, / Что нам Бог на земле приготовил.
Светит роза сухая на тёмном столе, / Словно сгусток запекшейся крови. <...>
Затянуло фрамугу узорами льда, / Паутиной седого мороза.
В мирозданье за рамой замёрзла вода. / Это я – твоя чёрная роза.
Это мне предназначено ждать и терпеть, / Тлеть и вянуть, считая напасти,
В паутине сухими цветами гореть, / В алый прах рассыпаясь от страсти. <...>
И сквозь годы и снег ощущаю спиной, / Как с весёлой и дерзкой отвагой,
Раскрасневшись от ветра свободы шальной, / Лепестки наполняются влагой.

Символ сухой розы говорит о метафизических предчувствиях неясности бытия, когда уходит время и чувства уже напрасны. Н. Егорова чудесным образом напитывает свою давно увядшую розу вспыхнувшим чувством любви, и она оживает, будто по велению свыше вдыхая в человеческую душу любовь. Образ розы присутствовал и в средневековой поэзии, земной мир как пустота внутри мировой розы воспринимается в самой мистической книге XX века «Розе Мира» Даниила Андреева, где роза – цветок, способный стать духовным оформлением нашей планеты, символом соборной Любви и вселенского разума. Только любовь способна возвысить нас над бренностью бытия: «А всё ж мы любили, и выжить на свете смогли мы...» – благодаря любви, нежной, спасительной и всеильной, убеждена Наталья Егорова. Ибо настоящая любовь вне времени. Она может ждать хоть целую вечность – любовь предопределяет жизнь и судьбу.

И вполне закономерно, о чём бы ни писала Наталья Егорова, к каким бы темам и образам ни обращалась, в её творчестве всегда ярко выражены грани православной традиции, на которой базируется русская литература. Валерий Хатюшин в критическом очерке «Без Божества» пишет о том, что «выше Бога нет ничего, и хотя бы только по этой причине религиозное чувство в человеке и в конечном счёте в художнике выше и важнее чувства эстетического». Известный поэт и публицист обращает внимание и на момент «отрицательной творческой энергии», когда художник намеренно отказывается от сакрального, сосредотачиваясь лишь на самовыражении, что в конечном итоге приводит его к духовному опустошению. Читая, поэзию Натальи Егоровой, как раз и убеждаешься, что феномен русской культуры и искусства вне своей религиозной природы и традиции не имеет смысла. Её произведения впитали многомерность, многосложность этой единой культуры, она сама живёт в её большом времени, оставаясь честна перед собой и перед читателем.

Всё в мире имеет путь и цель, всё движется к своему началу, к всеобщей жизни, сотворённой Господом. Собственное начало и включает в себе это удивительное умение возвращаться к истокам. Поэзия Н. Егоровой возвращает нас к истокам народной памяти, к сокровенным истокам художественного образа Руси, к ясному осознанию единства всего живого на земле с единством бесконечного космоса. И возвращаться свойственно не только птицам, но и людям. Должна быть в жизни какая-то логическая завершённость. «Быть и сбыться – времени назло», – так скорбная и светлая поэзия Натальи Егоровой продолжает побеждать само время, продолжает покорять великой правдой, добром и красотой.

Завершая путешествие-исследование в мир поэзии Натальи Егоровой, с лёгким изумлением нахожу у неё и эти потрясающие стихи, настолько отчётливо, пророчески они звучат, словно написаны сейчас и адресованы нам всем, страстно мечтающим о любви и единении в столь смутные, неясные времена:

Дорогие мои, я прошу – продержитесь подольше,
Проживите побольше на этой весёлой земле.
Пусть в прихожей смеётся залётной судьбы колокольчик,
И глазуня шипит на тяжёлом дубовом столе.
Это просто, как жизнь. Надо только поверить: ты – вечен!
И любить эту землю и этих небес польнутью.
И отступится зло. И окажутся долгими встречи.
И обиды, и ложь не польстятся на душу твою.
Так сойдёмся же в круг и степенно беседу затянем
Всё о том же, о том, что нас больно и ясно роднит.
Пусть гармошка поёт и летает над кринкой с геранью,
Словно красная птица над красною птицей парит.